

МАРАТ

БАСЫРОВ

УДОВОЛЬСТВИЕ ВО ВСЮ ДЛИНУ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Марат Ринатович Басыров
Удовольствие во всю длину
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталя»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44296314

Удовольствие во всю длину: Флюид ФриФлай; Москва; 2019

ISBN 978-5-906827-10-4

Аннотация

Марат Басыров (1966–2016) был одним из лучших писателей своего поколения – чем дальше, тем яснее это видно. Скупая выразительность языка, беспредельная самоирония автора в сочетании с беззащитной искренностью рассказчика – все это возвращает читателю ясное понимание того, зачем вообще нужна художественная проза.

Книга дополнена воспоминаниями о Марате Басырове его друзей и коллег.

Содержание

Игра	5
Космос	11
1	11
2	12
3	13
4	15
5	16
6	17
7	20
Я вижу	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марат Басыров

Удовольствие во всю длину

© М. Басыров, наследники, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

Игра

Футболисты постоянно падали, будто играли на льду.

– Твою мать! – в досаде бил ладонью по коленке Сапрыкин. – Что они, бухие, что ли, все?

– Кто? – Жена Нина гладила белье, брезгливо вода утюгом.

– Да эти, – Сапрыкин кивал на экран.

– На себя посмотри.

Сапрыкин, не внимая совету жены, смотрел в телевизор. Игроки, как кегли, продолжали валиться на траву. Пиво в двухлитрушке подходило к концу.

Все. Матч закончился.

– Пидарасы, – в сердцах выдохнул Сапрыкин, резко поднялся, зашел в туалет отлить, потом на лифте спустился во двор.

Во дворе ярко светило солнце, пели птицы, собаки гонялись за кошками, а пацаны – за мячом.

– Играем, – сказал Сапрыкин пацанам.

Сначала счет был 1:0, затем 2:0, 3:0... Когда он достиг 14:0 и лоб Сапрыкина стал черным от мяча, его окликнули.

– Красиво играешь, – хлопнул по сапрыкинскому плечу мужик в пиджаке, наблюдавший за их возней. – Душевно.

Такая фамильярность Сапрыкину не понравилась. Пока он раздумывал, не зарядить ли незнакомцу промеж ушей,

тот протянул ему визитку.

– Позвони, – подмигнул мужик. – Не пожалеешь.

Сапрыкин взял визитку и машинально сунул ее в задний карман трико...

– Что это у тебя? – Нина кинула ему под нос клочок бумажки.

Сапрыкин, не в силах поднять голову с подушки, скосил глаза на мятую визитку.

– А, – сказал он и замолчал.

Больше сказать он ничего не смог.

– Бэ, – в сердцах плюнула жена. – Алкоголик!

Сука, подумал Сапрыкин.

Через час, похмелившись, он звонил по номеру, указанному в визитке.

– Помню, – деловито произнес на том конце голос. – Приезжай.

Адрес, который продиктовал ему голос, оказался стадионом. Почесав затылок, Сапрыкин проник внутрь.

Поле было зеленым, по нему бегали футболисты. У каждого было по мячу. Табло не работало.

Тренировка, догадался Сапрыкин, оглядываясь, куда бы присесть.

– Сюда! – услышал сбоку. – Давай сюда!

Приглядевшись, он узнал в махавшем ему рукой вчерашнего мужика, которому едва не заехал в глаз.

– Раздевайся, – сказал он Сапрыкину, когда тот подошел.

– Зачем? – Сапрыкин опасливо оглянулся.

– Покажешь свой класс.

Сапрыкин, стесняясь дырявых трусов, разделся.

Мужик свистнул, и все забегали, стараясь овладеть мячом. Сапрыкин тоже рванул в самую гущу, энергично орудуя локтями.

Счет рос как на дрожжах. Роль дрожжей играл Сапрыкин.

– Кр-р-рас-совец! – грассировал после игры мужик, приказавший ему раздеться. Он оказался главным тренером и самым главным начальником одновременно. – Ты хоть понимаешь, кого ты сейчас натянул?

Сапрыкин оглядел потные лица ребят и ахнул про себя. Перед ним стояла, опустив глаза, сборная страны.

Ни хрена себе, подумал Сапрыкин, а ведь я в натуре того...

– Будешь играть за страну. – Главный положил ладонь на его плечо, и на этот раз это была не фамилльярность, а честь.

Первый матч играли с бельгийцами.

Играли – было сказано громко, потому что проигрывали вчистую.

– Что с тобой сегодня? – бегал вокруг Сапрыкина в перерыве Главный. – Ты ж даже по мячу ни разу не попал.

Сапрыкин сидел, сильно нахмутив брови. Снаружи свистели трибуны.

– Ну? – Главный сверху вниз глядел на него.

Сапрыкин решился и поманил его пальцем.

Главный наклонился. Его глаза постепенно расширялись, словно Сапрыкин надувал их через ухо Главного.

Он недоверчиво посмотрел на Сапрыкина.

Тот кивнул.

Главный посмотрел на часы и крикнул помощника.

Через три минуты тот принес все, что надо...

После финального свистка Сапрыкина долго несли на руках.

Жена Нина отказывалась верить.

– Зуб даю, – божился Сапрыкин, наливая себе водяры. – Все так и было.

– Заливаешь, – шурилась Нина, глядя, как заливал ее муж, опрокидывая четвертый стакан. – Скажи мне правду, паразит, я все выдержу.

Но Сапрыкин лишь махал рукой, словно говоря: баба она и есть баба – вместо мозгов – бигуди, вместо души – сиськи.

Нина скрипела зубами. Ей не нравились перемены в жизни мужа.

Перед матчем с французами в раздевалку вошел незнакомый мужик.

– Я новый тренер, – заявил он, не здороваясь.

– А где... – начал было Сапрыкин, но тот его перебил:

– В пизде. Еще вопросы есть?

Парни испуганно переглядывались, пряча за спиной стаканы. Сапрыкин решил сразу же расставить все по своим местам.

– Будешь? – Он протянул новому тренеру наполненный до краев хрустальный кубок.

– Что?! – У того едва не выпала челюсть от непередаваемого словами чувства. Он немного постоял с открытым ртом, прозревая, потом, краснея лицом, заорал: – Пошел вон! Вон! Пока я тебя не убил, пошел на хуй, мерзавец!

Сапрыкин тащился под низким грозовым небом куда глядели глаза. Вокруг простиралось бескрайнее поле ржи. Колосья застыли без движения, как перед бурей.

В радиусе горизонта не было ни души.

Сапрыкин не помнил, как он здесь очутился, но это его мало колыхало. Он просто шел по меже, отдыхая душой и телом. Ему было так хорошо, как бывает на страницах до дыр зачитанного любимого романа. Хотелось плакать, но он не мог выдавить ни слезинки.

Внезапно он увидел белобрысого мальчугана, сидевшего впереди прямо на дороге.

Подойдя поближе, он рассмотрел то, над чем склонялся мальчуган.

– Сыграем? – Пацан поднял веснушчатое лицо.

Сапрыкин удивился еще больше.

Потом, ни слова не говоря, сел напротив.

Настольный футбол казался хрупкой нелепой игрушкой. Сапрыкин пальцем-сосиской оттянул своего игрока и отпустил пластмассовую фигурку. Пружина под ним разогнулась, и раскрашенный мячик полетел куда-то в угол площадки.

Пацан выстрелил своим игроком и забил.

– Один ноль, – сказал он и передвинул на табло колесико.

Стало еще печальнее. Ко всему очень хотелось выпить.

– Бей, – кивнул ему пацан, двигая туда-сюда своим пластмассовым вратарем.

Сапрыкин посмотрел на игрушечного голкипера, который раскинул руки, будто собирался кого-то обнять, и снова оттянул игрока. Пружинка лопнула, и игрок с металлическим стуком хлопнулся оземь.

Сердце Сапрыкина неприятно екнуло.

Мальчик внимательно посмотрел на него.

Сапрыкин с надвигающимся ужасом глядел в светло-серые глаза мальчика, в один божий миг все постигая. Он был не готов к этому, и руки его дрожали.

– Ты проиграл, – тихо произнес пацан, отводя взгляд.

Сапрыкин хотел что-нибудь сказать, хотя бы одно слово, но тут из-за его спины вышла жена.

– А я что тебе говорила, – грустно сказала она. – Горе ты мое, горяшко. Давай-ка домой.

Он встал на ноги и пошел за ней.

Начался дождь.

Космос

1

Санька и Колька – космонавты. Полчаса назад они высадились на незнакомой планете. Идти нелегко, каждый шаг дается с трудом. Хочется пить и материться.

– Можно я поматерюсь? – говорит Санька.

Колька важно кивает.

– Давай.

Санька скороговоркой выдает тираду нецензурных слов. В том же порядке, что и всегда, но от этого их незримая сила, от которой становится щекотно в животе, не ослабевает.

– Теперь ты, – говорит он Кольке.

Вместо этого тот молча достает из кармана мятый тюбик. Отвинчивает пластмассовый колпачок и подносит к губам. Давит пальцами – рот наполняется сладким киселем.

– Кайф, – говорит Колька, глотая.

– Оставь немного, – просит Санька, состроив жалобную гримасу.

Колька милостиво передает приятелю наполовину выжатый тюбик.

– Только не выкидывай, – предупреждает он.

– Я знаю, где их много, – говорит Санька.

2

Колька сидит в пустом мусорном контейнере. «Вот она, ракета, – сказал Санька, когда они подошли ближе и, открыв крышку, заглянули внутрь. – Сегодня полетим». – «Сегодня или никогда», – согласился Колька.

Контейнер совсем новый, его привезли утром. Он стоит поодаль от остальных. Колька сидит в нем уже давно и ждет Саньку. Становится холодно. Он осторожно приподнимает крышку и видит звезды. Их так много, что у Кольки захватывает дух. Он мелко дрожит и не может оторвать от них глаз. Затем снова садится на дно, обхватывая руками согнутые в коленях ноги.

Через какое-то время ракета отрывается от земли и устремляется к звездам. Она дрожит вместе с Колькой – если он сейчас снова откроет крышку, то запросто вывалится прямо в открытый космос. Ему страшно – никогда в жизни он не чувствовал себя так одиноко. Чтобы подбодриться, он начинает материться. Сначала про себя, произнося мат, как молитву, потом шепотом, как заклинание.

К контейнеру подбегает псина и, обнюхав металлический бок, задирает заднюю лапу.

Колька наказан. Родители ушли на работу, но обещали добавить по приходу. Более того, он заперт на ключ. Колька бродит по квартире, тоскливо глядя на часы. До смерти – шести вечера – еще далеко, а до очередной серии про собаку Лэсси – полчаса. Он включает телевизор, стоящий в углу на тонких длинных ножках, и смотрит на телевизионную сетку. «У-у-у-у-у», – тянется на высокой ноте звук, заполняя комнату. «У-у-у-у-у», – вторит ему Колька с дивана. Внутри него снова появляется дрожь. Он подходит к телевизору и, подлезая, оказывается за ним.

Задней крышки нет. Перед Колькой – панель управления космическим кораблем. За прокопченным стеклом продолговатых ламп чадят огоньки. Колька осторожно дотрагивается до одной из них. Сердце сладостно екает. Лампа теплая и совсем не опасная, какой кажется изначально. Он сует указательный палец куда-то глубже, и его бьет током.

Судорожно сжав кулак, Колька бросается на кухню. Сейчас он умрет. Он подбегает к раковине и, покрутив кран, макает палец в холодную струю. Он тяжело дышит. Ему кажется, что дыхание вот-вот прервется. Взгляд натывается на чайник, и, подняв его над головой, он начинает торопливо глотать прямо из горлышка невкусную кипяченую воду. Она бежит по подбородку и далее, щекоча живот. «Наверно, уже

не умру», – думает, продолжая пить, Колька.

Раздается звонок в дверь. Колька ставит чайник обратно на плиту и спешит в прихожую. Он сейчас рад любому.

– Кто там? – кричит Колька.

Это Санька. Он просит открыть.

– Не могу, – говорит Колька и смотрит на палец. Сгибает его.

Санька думает, что Колька обиделся за то, что он не пришел к ракете.

– Я не виноват, меня мать закрыла, – оправдывается он из-за двери. – Ушла в ночную смену и закрыла.

– А меня током ударило, – говорит Колька, и ему снова становится страшно. – Я не умру?

Санька молчит, переваривая. Потом спрашивает:

– Когда?

– Недавно, – отвечает Колька и снова шевелит пальцем.

– Не знаю, – говорит Санька. – Наверно, нет.

Наступает тишина. Колька подносит ухо к деревянному полотну – по ту сторону сопит Санька. Из щелки тонко тянет подъездом. Колька нагибается к скважинке для ключа и видит в ней хлопающий ресницами Санькин глаз.

4

Колькина кровать стоит напротив родительской. Он просыпается внезапно, как будто кто-то трогает его за плечо. Мать, по обыкновению спящая у стены, на четвереньках перелезает через лежащего с краю отца. Подол ее сорочки задран, и в полутьме Кольке виден ее большой белый зад. На матери нет трусов, и это обстоятельство поражает его своей незамысловатой откровенностью. Колька сильно зажмуривается и вжимается головой в подушку.

Поутру, когда они завтракают, он избегает родительских глаз. Колька прогоняет большое белое пятно, но оно упрямо проявляется вновь.

Отец и мать говорят между собой. Ему кажется, все их слова и жесты о том, о чем думает и он.

- Шлеп-шлеп, – говорит отец и глумливо ухмыляется.
- Чпок-чпок, – отвечает ему мать, не пряча довольную улыбку.
- Спасибо, – говорит Колька, вставая из-за стола.

Колька заходит в ванную. На краю раковины лежит тюбик зубной пасты – он почти на исходе. Колька откручивает колпачок, включает воду и выдавливает остатки «Поморина» в слив. Затем ногтями пытается развернуть плотный сгиб на конце. Он не поддается. Тогда Колька выуживает из кармана плоскогубцы и действует уже с помощью них. Затем в дело идет карандаш. Колька пытается увеличить щель между сплюснутых алюминиевых стенок – остро заточенный грифель ломается, но он не обращает на это внимание. Карандаш мало-помалу входит внутрь. Колька парится, просовывая его все дальше и дальше. Стенки тюбика, разравниваясь, набухают. Колька тяжело сопит, орудуя карандашом. Наконец, он вытаскивает его из расплавленного тюбика и смывает белую остро пахнущую пасту. Очередь за тюбиком. Вода с шумом заполняет разомкнутое пространство. Через минуту оно чистое. Колька промывает и колпачок, накручивает на место и выходит из ванной.

На плите стоит кастрюлька с киселем. Он давно остыл, но это не важно. Колька достает из стола ложку и, зачерпывая из кастрюльки, осторожно наполняет тюбик сладким варевом. Потом заплющивает на конце тюбик и с помощью плоскогубец закусывает сгиб, для верности зажимая лишний виток.

6

– Я знаю, где их много, – говорит Санька, выдавливая в рот остатки киселя. – А этот прохудился – смотри.

Колька с сожалением смотрит на испорченный тубик. Санька замахивается и запускает его в кусты.

– Где? – спрашивает Колька, прослеживая траекторию полета.

– В подвале.

Колька недоумевает про себя. Откуда им быть в подвале? Хотя, с другой стороны, почему нет.

Они заходят в подъезд. Обитая мятой жестью дверь, ведущая в подвал, закрыта, но Санька дергает ее на себя, и она с неприятным скрежетом поддается. Из темноты тянет затхлой сыростью. Санька достает из кармана квадратный фонарик. Луч света выхватывает кирпичную кладку и сваренные из арматуры ступеньки.

Они медленно двигаются по темному узкому коридору, освещая тусклым лучом путь. Колька в подвале впервые. Для него это место словно незнакомая планета. Над головой – бетонные плиты с вкраплениями слюдяных крошек. Когда свет фонарика скользит по ним, они мерцают крохотными звездочками. Под потолком – ряд труб. Самая большая обернута фольгой и перетянута витками проволоки. В разрывах серебристой оболочки желтеет стекловата. Коль-

ка и Санька забывают о первоначальной цели найти пользованные тубики – они сейчас космонавты, исследующие пространство в поисках разума.

Вдруг они слышат впереди странные звуки. Звуки размеренны и неагрессивны, в них нет ничего, что представляло бы опасность. Они будто зовут их, настойчиво повторяясь. Мальчишки замирают, прислушиваясь, потом как замороженные, осторожно двигаются им навстречу.

Коридор поворачивает налево – звуки идут оттуда. Отставший Санька с фонариком в руках застывает в нерешительности, Колька продолжает движение в одиночку. Пытаясь справиться с дрожью и прерывистым дыханием, он на цыпочках доходит до открывающегося проема и заглядывает внутрь.

На полу у дальнего угла чадит огарок свечи, не в силах осветить все пространство небольшой комнаты. Овальная спинка железной кровати причудливо проецируется на голую стену – непонятные звуки тут же складываются в скрип пружин. Колька смотрит во все глаза, но не может различить детали. Только скрип, чужое сопение и стук собственного сердца. Шлеп-шлеп, слышит он. Чпок-чпок.

Мальчик не в силах оторвать взгляд от происходящего – он постигает необъятное, как будто проваливается в бездну, но летит не вниз, а вверх.

– Ни хуя себе, – вдруг раздается из угла задыхающийся женский голос. Потом – стон. Потом снова: – Ни хуя себе.

И снова стон.

Темп начинает нарастать. Скрип убыстряется, и фраза, повторяясь, сливается в скороговорку.

– Нихуясебенихуясебенихуясебенихуясе...

Последний слог тонет в откровенном, скручивающем темноту в спираль вое.

– Оо-о-о-ооо-о-о-о...

Они выходят из подъезда, и Кольку ослепляет дневной свет – так же, как и в то утро, когда он распахнул люк своей ракеты. Но сейчас этот свет не похож сам на себя. Что-то в нем не так.

Колька поднимает голову и открывает рот.

– Ни хуя себе, – выдыхает рядом Санька.

Над их двором висит серебристый предмет, похожий на тубик, вокруг которого на полнеба исходит круг золотистого сияния.

Я вижу

Иванов мой приятель. Он сильно заикается. А у меня близорукость. Мы с ним похожи. Я почти ничего не вижу без очков, а Иванов не может выговорить ни слова.

Когда его вызывают к доске, весь класс потешается над ним. В попытке сказать он корчится так, словно его прижигают паяльником. Я снимаю очки, чтобы не видеть, как он страдает.

Перед зимними каникулами он говорит мне:

– В Тбилиси живет один целитель. Он лечит все, в том числе близорукость.

Чтобы произнести это, у него уходит почти вечность.

– Ты теряешь зрение? – спрашиваю я.

– Я теряю терпение, – отвечает он.

Я говорю с родителями, я их умоляю, и вот после Нового года мы с Ивановым летим в Тбилиси. Перед самой посадкой в самолете начинает петь Кикабидзе. Не живьем, конечно, а только по радио. Первый раз я слышу, как этот певец поет на грузинском языке.

Нас встречает зимнее грузинское утро – оно звонкое, пронизанное солнцем и чужой речью. Мы едем в старый район города, нам нужна улица Вашлиуджвари. Проезжаем мост. Далеко внизу течет река Кура.

Выйдя на нужной остановке, мы спускаемся по узкой

улочке. Идем мимо участков с домами. Кругом деревья, кусты, голая земля. Нас обгоняют два пацана, катя перед собой обода велосипедных колес. Обода звенят, подпрыгивая на камнях. Кажется, дребезжит вся улица. Пахнет дымом костра. Воздух прозрачен и чист – такой, что кружится голова.

Фамилия целителя Кенчадзе. У него большой трехэтажный дом. Еще на его участке стоит длинный сарай. В нем он принимает больных.

Их много, сегодня – человек сорок. Они приехали ото всюду, со всей страны. Говорят, он лечит все болезни. А близорукость и заикание вообще щелкает как орехи. Мы становимся в очередь внутри просторного помещения. Наконец подходит наш черед.

Целитель Кенчадзе – простой на вид мужик. Он небрит. На нем кожаная куртка и кепка. Я протягиваю ему пять рублей, он прячет купюру в боковой карман. Затем начинает массировать кисти моих рук.

Весь сеанс длится с полминуты. С кистей целитель переходит на запястья. Затем производит несколько пассов ладонью в районе живота, поднимается к груди и заканчивает над головой. Он машет надо мной руками, а я ничего не чувствую. Вообще ничего.

Всего нужно сделать четырнадцать таких сеансов. В один день – два сеанса – больше нельзя. Так говорят в очереди. Получается неделя и семьдесят рублей.

Мы гуляем по городу. Неудивительно, что в нем много

грузин, но также попадают и русские. Иногда мы слышим русскую речь.

Когда мы проходим мимо кинотеатра, я пытаюсь прочесть название фильма на афише и не могу. Оно на грузинском языке.

Только сейчас я замечаю, что Иванов похож на грузина. У него черные волосы, большой горбатый нос. Когда мы едем в автобусе, один парень обращается к нему.

– Что? – спрашивает Иванов.

Тот снова что-то ему говорит.

Иванов пожимает плечами.

Тогда парень брезгливо морщится и произносит на русском:

– Спички есть?

Иванов подает ему спичечный коробок. Парень достает сигарету и закуривает прямо в автобусе.

Под вечер, усталые, мы ищем ночлег. Снова оказываемся в старой городской части. В первом же дворе нас приглашают в дом.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Пять рублей, – говорит хозяйка.

Я оборачиваюсь – Иванов недовольно корчится.

– Что? – говорю я. – Дорого?

– Дешевле не найдете! – уверяет женщина.

Ладно, мы соглашаемся. Через полчаса мы уже спим.

Наутро у нас созревает новый план. Мы решаем пройти

весь курс за два дня. А две оставшиеся ночи провести на вокзале.

Теперь мы делаем так: проводим один сеанс, потом пропускаем трех человек и снова предстаем перед целителем. Он спокойно это проглатывает, кажется, ему нет никакого дела до наших ухищрений. Главное, чтобы платили.

Мы приятно возбуждены. Мы чувствуем себя хозяевами своей жизни. Автобус, на котором мы едем по городу, останавливается возле духана, из него появляется старик в мятом сером костюме. Он входит в переднюю дверь, снимает шляпу и идет с ней по салону. Каждый пассажир опускает в нее мелочь. Мы тоже кидаем по монетке. Старик выгребает деньги и выходит в заднюю дверь. Потом снова спускается в подвальчик.

В центральном универмаге я влюбляюсь в продавщицу. Ей примерно тридцать лет, у нее большие выразительные глаза, она очень красива. Она стоит за прилавком, на котором разложены бусы, брошки, расписные шкатулки и большие морские раковины. Я хочу что-нибудь купить, но не могу поднять на нее взгляд.

Первая ночь на вокзале проходит спокойно. Во вторую мы немного осваиваемся, чувствуем себя свободней. Как только мы начинаем играть в карты, к нам сразу подсаживаются такие же полуночники, как мы. Мы легко знакомимся. Мы чувствуем себя своими. Когда объявляют посадку и кто-то торопливо встает, мы пожимаем ему руку, прощаясь. Желает

ем счастливого пути.

Под утро к нам подсаживается парень с разбитым в кровь лицом. Он говорит, что он осетин и что их тут не любят. Он хотел бы посидеть с нами, если мы, конечно, не против.

Мы не против. Парень рассказывает нам о себе, о своей девушке. Ему шестнадцать, он наш ровесник, хотя на вид ему все двадцать пять. Его зовут Владимиром.

Он интересуется, продаются ли в нашем городе боксерские перчатки.

– Да, – отвечает Иванов.

– Тогда, пожалуйста, пришлите мне пару, – просит Владимир. – А я, в ответ, pošлю вам яблоки.

Они с Ивановым обмениваются адресами.

На следующий день мы улетаем. Перед этим я хочу проститься с моей красавицей, но ее отдел закрыт. Только красивые раковины лежат под стеклом, как в пустом аквариуме.

Как только мы прилетаем домой, Иванов идет в спортивный магазин и покупает боксерские перчатки. Теперь очередь за Владимиром. Первые недели я интересуюсь у Иванова, получил ли он яблоки. На какое-то время это становится нашей шуткой.

Примерно через месяц мое зрение начинает выправляться. Это происходит неожиданно и так стремительно, что я не успеваю менять очки. Скоро зрение становится идеальным, но на этом не останавливается. Я начинаю видеть то, чего не видит ни один нормальный человек.

С Ивановым же ничего не происходит. Он все так же заикается, теперь я вижу это очень хорошо – все его мучения. Вижу, как издеваются над ним одноклассники. Вижу глумление и злорадство с одной стороны, боль и страдание – с другой. Я чувствую вину перед ним. И еще я чувствую стыд.

Мне стыдно за то, что я вижу, но ничего не могу сделать. Мне стыдно, что я счастлив, потому что здоров. Иногда мне стыдно за свой стыд.

Мое зрение обостряется настолько, что я могу читать учебник, лежащий на последней парте. Но, вместе с тем, я начинаю видеть и то, на что мне совсем не хочется смотреть. То, что, приобретая чудовищные размеры, искажает смысл.

Мой отец говорит: за все нужно платить. Например, нужно было заплатить целителю Кенчадзе. Он мне помог, но не помог Иванову. Возможно, теперь я в долгу у своего приятеля. Но я не знаю, чем ему помочь.

И вот однажды, у доски, на меня нападает ступор. Я стою перед классом и не могу выговорить ни слова. Я похож на рыбу, выброшенную на песок. Я вижу ухмылки, вижу ощеренные рты – матовую эмаль зубов, слюну в уголках губ, вижу поры языка. Вижу все свои отражения в разноцветных радужках сидящих передо мной соучеников. Я корчусь в муках под их взглядами, пытаюсь выдавить наружу свое бессилие, но тщетно. Класс одобрительно смеется, поглядывая на Иванова. Им кажется, я пародирую его. Класс видит в моих кривляньях то, что хочет видеть. Иванов, оскорбленный

и униженный, не поднимает взгляд. Он не желает на меня смотреть.

После уроков я пытаюсь с ним поговорить. Пытаюсь объяснить, но он не слушает. Он вычеркивает меня из друзей.

Теперь каждый мой выход к доске превращается в спектакль. Все уверены, что я издеваюсь над бывшим приятелем. За что-то ему мщу. Класс оценивает мой напор, мою самоотверженность. Потому что каждый раз после этого я получаю двойку. У меня уже много двоек.

Я замыкаюсь. Мое зрение обостряется все больше, но чем лучше я вижу, тем глубже проваливаюсь в немоту.

Дело доходит до моих родителей – их вызывают в школу.
– А он дома-то хотя бы разговаривает? – спрашивает классная руководительница отца.

– Ну, наверное, – туманно отвечает отец.

Они решают, что я буду отвечать уроки письменно. Руководство школы идет мне навстречу.

Мне нравится писать. Я вижу, как чернильная паста ложится на пористую поверхность бумаги, как проминает ее металлический шарик, окрашивая дно траншеи. Это кажется простым. Сложнее с одноклассниками. Они почему-то не принимают моей немоты. Они думали, что я стебу Иванова, а когда выяснилось, что это не так, они затаили злобу.

Они считают, что тем самым я просто хочу выделиться. Они уверены, что я их всех вожу за нос. Что я слишком далеко зашел в обмане. Они хотят вывести меня на чистую во-

ду. Меня пытаются разговорить. Постоянно задевают и провоцируют. Я вижу, как растет их ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.